

Гао Янь никогда не знал, как другие дети в три года справляются с невыносимой болью от высокой температуры, но его Дундун с самого раннего возраста был не по годам развит. Особенно когда сам заболел: словно понимал, что если скажет папе, как ему больно, тот расстроится. Поэтому ребенок всегда говорил, что не больно, а если уж совсем немоготу, обиженно добавлял: совсем чуть-чуть.

Но насколько сильно ему было больно на самом деле, Гао Янь никогда не мог прочувствовать сам. Если бы это было возможно, он бы предпочел забрать всю боль Дундуна себе.

Гао Янь поднялся, сел на край кровати и, склонившись, поцеловал Дундуна в лоб. Мальчик закрыл глаза и пробормотал:

— Папе не больно, правда? Подуешь — и пройдет.

Взгляд Гао Яня дрогнул, сердце сжалось. Он обхватил голову сына, подул ему на лоб и ласково проговорил:

— Давай папа подует на тебя, подует — и всё пройдет.

Дундун, лежа в кровати с закрытыми глазами, тоже приоткрыл рот и дважды шумно выдохнул, а затем поднял свою свободную ручку, ухватился за воротник Гао Яня и прошептал:

— Папа, не грусти, Дундун тоже подует на тебя.

Глаза Гао Яня покраснели, и он крепко поцеловал сына в макушку.

Лю И стоял в дверях, наблюдая за ними. Его сердце словно онемело, кровь в жилах застыла, и он не понимал, стоит ему войти или лучше уйти. Лю И редко испытывал нерешительность — лишь слабые люди вечно выбирают и сомневаются, а тридцатисемилетний Лю И считал, что повидал достаточно и стал достаточно сильным. Но сейчас, глядя на эту сцену, он не знал, что ему делать.

Дундун, выдохнув на папу, вдруг разжал маленькую ручку, державшую воротник, и опустил взгляд на дверь, словно почувствовав чье-то присутствие.

Гао Янь приподнялся и тоже посмотрел в сторону входа, где замер Лю И. Гао Янь на мгновение опустил глаза, молча встал и отошел в сторону.

Когда Гао Янь поднялся, Дундун вытянул шею и увидел в дверях Лю И. Его маленькие брови непроизвольно нахмурились, он приоткрыл рот, но тут же заерзал, зарылся глубже в одеяло, закрыл рот ладошкой и с испугом посмотрел на мужчину.

Лю И сделал пару шагов вперед:

— Дундун.

Ребенок еще сильнее вжался в одеяло, явно противясь приближению Лю И, и что-то тихо пробормотал, уткнувшись в постель.

Лю И подошел еще ближе, но Дундун вдруг заплакал — беззвучно, лишь вздрагивая от рыданий, словно ему было очень, очень грустно.

Лю И поспешно сел на край кровати, пытаясь успокоить ребенка. Раньше он уже утешал Доуша и Таньюаня и знал, как обращаться с плачущими детьми, но столкнувшись с таким горьким плачем Дундуна, он вдруг растерялся. Он не знал, куда деть руки и как подобрать слова.

Гао Янь обошел кровать с другой стороны, присел рядом и что-то прошептал Дундуну на ухо. Мальчик судорожно вздохнул, перестал плакать и, глядя на Гао Яня влажными черными глазами, затих. Гао Янь вытер сыну слезы и вышел из палаты.

Уголки губ Дундуна дрогнули, и он наконец разрыдался в голос. Протянув обе ручки к Лю И, он рывком сел на кровати:

— Папа! Папа!

Лю И поспешно схватил ручку ребенка, к которой была подсоединена капельница, а другой рукой обнял его. Он не знал, что сказать, поэтому просто, подражая Гао Яню, начал целовать его в голову, прижимая к себе.

Дундун шмыгнул носом и, уткнувшись лицом в грудь Лю И, продолжал плакать:

— Папа, папа.

Сердце Лю И размякло. Он вдруг понял, почему так много людей после женитьбы довольствуются простой жизнью — потому что она настоящая и прекрасная. Ради такого нежного сердца и этого маленького комочка в своих руках он был готов отказаться от чего угодно.

Дундун прижался к нему, и Лю И почувствовал, как в груди словно вспыхнул огонь — теплое, горячее чувство, от которого сердце, скованное льдом долгие годы, вдруг оттаяло.

Наплакавшись, Дундун почувствовал неловкость: он закрыл глаза рукой, словно надеясь, что так папа не увидит, что он плакал.

Лю И развеселился от этого жеста, убрал руку сына и тихо спросил:

— У Дундуна голова еще болит?

Дундун посмотрел на него и твердо покачал головой, а затем серьезно добавил:

— Папа тоже подуй, тогда совсем не будет болеть.

Лю И, подражая Гао Яню, подул на голову мальчика. Дундун надул губы и подул на шею Лю И, почти про себя проговорив:

— Дундун тоже дует на папу.

Между Гао Янем и Лю И остался лишь тонкий слой бумаги, и прорвется ли он — было лишь вопросом времени. Судя по тому, что Ху Лянь знал о Лю И, он полагал, что это случится в ближайшие пару дней.

Когда Сун Мин примчался в больницу, Гао Янь как раз выходил из кабинета врача. Сун Мин, шаркая шлепанцами, спросил:

— Ну что?

Гао Янь похлопал его по плечу:

— У меня скоро дела, побудь пока с Дундуном.

Лю И, вышедший следом, молча взглянул на Сун Мина, а затем бросил Ху Ляню, стоявшему у дверей кабинета:

— Ты останься.

Сказав это, он последовал за Гао Янем к лифту. Ху Лянь и Сун Мин обменялись взглядами. Ху Лянь окинул взглядом лысого парня в шлепанцах, сжимающего в руках кошелек, телефон и ключи, и брезгливо поморщился: деревенщина.

Сун Мин тоже оглядел Ху Ляня и, учуяв с расстояния двух метров запах мужского парфюма, закатил глаза: маменькин сынок.

Лю И привез Гао Яня в тот самый особняк, который был отремонтирован три-четыре года назад и когда-то нес в себе столько его надежд. Гао Янь к этому моменту успокоился, вернувшись к своему привычному невозмутимому состоянию. Всю дорогу они молчали.

Когда машина достигла цели, они вышли. Гао Янь поднял голову и увидел двухэтажный особняк с садом. Лю И молча открыл дверь, вошел внутрь и, проходя мимо, обронил:

— Ремонт был закончен более трех лет назад, но здесь никто никогда не жил.

Гао Янь вошел следом и сразу увидел в холле детский бассейн. Его шаги замедлились. Лю И переобулся у входа, словно вернулся домой, и, естественно сняв пиджак, направился к дивану в гостиной:

— Двери не заперты, можешь осмотреться сам.

Гао Янь разулся и прошел босиком внутрь. Он задержал взгляд на бассейне, а услышав слова Лю И, без колебаний направился к лестнице.

Когда Гао Янь спустился вниз, Лю И курил в гостиной. Одно из панорамных окон было приоткрыто, и ветер, врываясь внутрь, колыхал край занавески.

Гао Янь подошел к нему. Лю И затушил сигарету, выпустил последнюю струю дыма и посмотрел на Гао Яня сквозь белую пелену. Гао Янь спокойно встретил его взгляд, в его глазах не было ни ряби.

Он сел на диван рядом с Лю И, откинулся на спинку и молчал.

Спустя некоторое время Лю И заговорил:

— Как ты догадался?

Гао Янь повернулся к нему:

— Ху Лянь сказал, что ты любишь детей. Но даже если любишь, ты не стал бы относиться к Дундуну так по-особенному. Я тоже люблю детей, но чужие дети, какими бы милыми ни были, никогда не сравнятся с Дундуном. Твой взгляд был слишком прямым, да и отношение Ху Ляня изменилось. Я не дурак. Ты видел, как ты смотрел на Дундуна, и как смотрю на него я? Есть ли разница?!

Лю И протянул ему отчет ДНК-теста. Гао Янь взял его.

— Отчет об установлении отцовства, — сказал Лю И и добавил после паузы: — Похоже, в агентстве суррогатного материнства что-то пошло не так.

— Что это значит? — спросил Гао Янь.

Лю И не собирался ничего скрывать и рассказал все как есть. В глазах Гао Яня мелькнуло удивление, затем он усмехнулся:

— Вот оно что.

Лю И продолжил:

— Ты отец Дундуна, и я тоже. Возможно, ты будешь отталкивать меня, но я должен сказать: в вопросе воспитания Дундуна у меня есть свои обязательства.

Гао Янь долго молчал, глядя в пол, словно пребывая в прострации. Наконец он повернулся:

— Конечно.

— Ты вообще слушаешь меня? — спросил Лю И.

Гао Янь взъерошил волосы и закрыл глаза:

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Ты хочешь сказать, что можешь обеспечить Дундуну лучшие условия. Больница принадлежит тебе, твоё финансовое положение и социальный статус позволяют дать ему всё самое лучшее. Я знаю.

Лю И нахмурился:

— Гао Янь!

Гао Янь глубоко вздохнул, выпрямился, его взгляд был полон тревоги. Раньше это были лишь догадки, но теперь, когда всё подтвердилось, он не мог сохранять спокойствие. Раньше Дундун принадлежал только ему, а теперь у него два отца, и Лю И во всем превосходит его. То, что может дать Гао Янь, может дать и Лю И, а то, что не может Гао Янь, Лю И все равно даст.

Как он и представлял себе множество раз: если бы у Дундуна действительно был такой состоятельный второй папа, как Лю И, ребенку жилось бы гораздо лучше. Но теперь, когда домыслы стали реальностью, Гао Янь понял, что не может с этим смириться. Его маленький ребенок, которого он лелеял, вдруг обрел другого законного отца. Неужели он должен отдать его?

Гао Янь внезапно встал. Несмотря на попытки скрыть смятение в глазах, Лю И все видел.

Гао Янь подошел к окну, пытаясь остудиться на ветру. Лю И подошел к нему:

— Гао Янь, тебе не нужно так себя вести.

— Как именно? — нахмурился Гао Янь.

— Я не собираюсь отбирать у тебя Дундуна.

Гао Янь замер, но, нахмурившись, возразил:

— Нет, я об этом и не думал.

Лю И сделал два шага вперед, пригвоздив мужчину к месту своим взглядом:

— Гао Янь, не нужно накручивать себя. Я хочу, чтобы ты осознал одно: мы оба — отцы этого ребенка. У нас общие обязанности. Мы не разведенные или расставшиеся любовники, которые делят ребенка! Гао Янь, никто не собирается у тебя его отнимать!

Гао Янь поднял глаза на Лю И. Его спокойствие постепенно сменялось бессилием. Он понимал, что Лю И действительно не такой человек. Если бы он хотел отобрать ребенка, он мог бы сделать это открыто, не тратя время на пустые разговоры. Но Лю И не поймет одного: Гао Янь прожил столько лет, ступая осторожно, и после смерти Гао Цяня Дундун стал его единственной родней и единственной надеждой.

Его терзали сомнения и страх потери. Он думал: даже если Лю И не будет с ним бороться, он все равно проиграет. У Лю И деньги и власть, он вылечит Дундуна, окружит его заботой. Дундун будет жить беззаботно, Лю И купит ему огромные машины и все, что пожелает ребенок. А он? У него нет ничего... Поэтому, даже если Лю И не будет бороться, Дундун со временем потянется к нему и постепенно перестанет нуждаться в нем, Гао Яне.

— Гао Янь! — Лю И видел, что тот впал в крайний пессимизм. Он не понимал, почему этот спокойный и упрямый человек так изменился. Он схватил его за плечи и заставил посмотреть на себя. — Гао Янь, отцовскую любовь, которую ты даешь Дундуну, никто не сможет заменить!

Гао Янь опешил:

— И что с того...

Взгляд Лю И был тверд, черные глаза — глубоки и безмятежны, как бездонный омут:

— Дундун слаб здоровьем, ему нужен уход. Раньше у него был один папа, теперь два. Мы вместе обеспечим ему лучшие условия, и он вырастет здоровым, как и другие дети. Я дам ему материальные блага, но Дундун любит тебя. У вас чего-то не хватает — я дам всё. Регистрация, документы — тебе больше не придется беспокоиться о клане Гао. Я ношу фамилию Лю. Если вы с ребенком согласны, я запишу вас на себя, дам ему мою фамилию. С этого момента вы — мои люди, и никто не посмеет вас тронуть. А теперь выбрось из головы все эти пораженческие мысли!

Глаза Гао Яня непрерывно мерцали. Впервые в жизни ему не нужно было делать выбор ради будущего, не нужно было платить цену за то, чтобы что-то получить. Кто-то просто был готов дать всё без условий и сказать, что нужно делать.

Спустя годы, когда Гао Янь по-настоящему стал таким же сильным, как Лю И, он понял: в этом мире есть такие люди. У них есть врожденная сила, которая, оберегая тебя, незаметно делает сильнее и тебя самого.

Он дарит не просто тихую гавань — он помогает тебе расти, дает тебе право выбора и возможность уйти, но когда ты вдруг решаешь выбрать, то осознаешь: с самого начала ты и не хотел никуда уходить.

Как сказал Лю И: «Дам ему мою фамилию, с этого момента вы — мои люди».

В палате, где сидели трое детей, атмосфера сразу изменилась. Гао Янь стоял в стороне и наблюдал: дети напоминали ему маленьких котят. Доуша был старшим котом, который верховодил двумя котятами и играл с ними.

Гао Янь и Лю И вышли из палаты, оставив детей одних. В больничном коридоре то и дело проходили родители, врачи и медсестры. Они остановились у окна, откуда открывался вид на зеленую лужайку.

Гао Янь задумчиво смотрел в окно. Лю И спросил:

— Какие планы?

Гао Янь покачал головой:

— Еще не решил.

Он действительно не решил. Ему нужно было переварить многое, особенно смену статуса Лю И — его нынешний начальник оказался отцом его сына. Вряд ли кто-то смог бы легко это принять. У Лю И же уже возник план: с Дундуном проблем быть не должно, а вот с Гао Янем... Лю И чувствовал, что нужно время.

Лю И сам был не из болтливых, а Гао Янь привык пережевывать мысли в одиночку, поэтому их молчание затягивалось.

В этот момент из лифта вышел мужчина в светлых брюках и белой рубашке. Казалось, он только что проснулся: веки слегка опущены, волосы на затылке примяты. Он лениво говорил по телефону:

— М-м... я понял... хорошо... можешь вешать трубку...

Мужчина шел в их сторону, мельком взглянул на спину Лю И, а затем перевел взгляд на Гао Яня. Тот вздрогнул, увидев его. В голове всплыло лицо Доуша, родинка между бровей — как же она была похожа на родинку этого мужчины, как и черты лица, и контур скул.

Гао Янь смотрел на него с изумлением, не в силах оторвать взгляд. Он видел похожих людей, но настолько — никогда.

Лю И тоже обернулся. Мужчина как раз убрал телефон.

— Как ты здесь оказался? — спросил Лю И.

Ван Иньчэн кивнул Гао Яню и ответил Лю И:

— Таньюань капризничал, хотел проведать Дундуна, вот мы и зашли по пути.

Гао Янь смотрел на Ван Иньчэна. Значит, он отец Доуша и Таньюаня?

Лю И кратко представил их друг другу:

— Мой зять, Ван Иньчэн. Это Гао Янь.

Ван Иньчэн и Гао Янь почти одновременно протянули руки для приветствия. Гао Янь был шокирован тем, что Лю И назвал его зятем. Значит ли это, что Ван Иньчэн — мать Доуша и Таньюаня? Гао Янь был в легком замешательстве.

Ван Иньчэн посмотрел на Лю И:

— Ху Ляня нет в компании, тебя тоже. Кто-то должен всем управлять. Через пару дней акции Хуажун упадут, и старик снова начнет названивать.

Лю И осекся. Поняв намек, он повернулся к Гао Яню:

— Мне нужно вернуться в компанию, решить дела.

Гао Янь машинально кивнул. Лю И зашел в палату попрощаться с Дундуном, а в коридоре остались только Ван Иньчэн и Гао Янь.

Ван Иньчэн подошел к окну, приблизившись к Гао Яню, и мягко улыбнулся:

— Вы ведь оценщик, верно?

Гао Янь кивнул:

— Да.

— Лю Хэн рассказывал мне о вас. На самом деле, я привел детей сегодня еще и для того, чтобы познакомиться с вами лично.

— Вы слишком любезны, — ответил Гао Янь.

Ван Иньчэн дружелюбно рассмеялся:

— Это вы слишком скромничаете. Думаю, мы еще не раз увидимся. Я зайду к Дундуну.

Он повернулся и направился к палате, а Гао Янь с недоумением смотрел ему вслед.

Дундун, увидев Ван Иньчэна, остолбенел. Он посмотрел на Доуша, потом на Ван Иньчэна, затем с мольбой взглянул на Гао Яня:

— Папа!

Все взрослые в палате рассмеялись. Ван Иньчэн сел на край кровати, обнял Дундуна, пощипал его за пухлые щечки и ручки:

— Дундун такой послушный.

Дундун, сидя в объятиях Ван Иньчэна, захлопал глазами:

— Большой Доуша.

Ван Иньчэн рассмеялся так, что глаза превратились в щелочки. Доуша стоял рядом с невозмутимым видом, но на душе у него было сладко. Он подумал, что Дундун умеет говорить приятные вещи куда лучше, чем Таньюань...

Когда Лю И спустился вниз за машиной, он увидел Лю Хэна, который курил, прислонившись к его автомобилю, и смотрел на него с насмешкой.

Лю И подошел к нему с каменным лицом. Лю Хэн затушил сигарету и усмехнулся:

— Слышал, ты снова собираешься покупать дом?

— Только ради этого пришел? — спросил Лю И.

— Эй, даю совет: возьми что-нибудь поменьше, метров семьдесят-восемьдесят.

Лю И приподнял бровь:

— Сказал — и проваливай!

Лю Хэн подошел ближе, многозначительно похлопал его по плечу:

— На самом деле, мы с Чэнцзы считаем, что маленький дом лучше. Он способствует сближению. Перевези туда ребенка, и через полгода, глядишь, уже и свадьба.

Лю И замахнулся ногой, чтобы пнуть его, но Лю Хэн ловко увернулся и помахал рукой на прощание.

Гао Хуаньюй, которого Лю И держал на коротком поводке, за спиной продал Денежное дерево десяти тысяч лет Се Муяню. Такие вещи в бизнесе считаются подлостью — это значит переступить черту и сжечь мосты.

Ху Лянь спросил Лю И, нужно ли что-то предпринять. Лю И был куда жестче Гао Хуаньюя. Он прямо сказал Ху Ляню:

— Передай Гао Жуншэну, что его сынок продал его коллекцию.

Раньше, при общении с Лю И, Гао Жуншэн невольно проговаривался о своих частных коллекциях, заявляя, что при жизни их не продаст. Лю И, конечно, не собирался спускать такой удар Гао Хуаньюю с рук, к тому же нужно было посчитаться за клевету на Дундуна и Гао Яня.

Ху Лянь действовал оперативно и в тот же день передал новость. Гао Жуншэн поначалу не поверил — Денежное дерево стояло в шкафу в его кабинете, он видел его сегодня утром!

Гао Жуншэн был подозрительным человеком и никому не доверял, кроме себя. Однако вскоре среди «иностранной делегации», которую он принимал, поползли слухи: организаторы в этот раз приобрели Денежное дерево десяти тысяч лет!

Один источник мог лгать, но когда об этом говорят все, даже иностранные гости, Гао Жуншэн не мог не засомневаться.

По пути в свой особняк на горе Сишань у озера Тайху он позвонил Лу Де:

— Где твой драгоценный сынок?

Лу Де сама не могла найти Гао Хуаньюя последние несколько дней. Она знала лишь, что он уехал из города с парой человек, и ничего не могла выяснить. Не зная, что натворил ее сын, она попыталась успокоить Гао Жуншэна:

— Старик, не волнуйся, Хуаньюй в поездке, осматривает объекты...

— Осматривает? — холодно усмехнулся Гао Жуншэн. — Молись, чтобы твой драгоценный сынок не натворил дел!